

Н.М.Мацкевич

Ивано-Франковский университет права им. Короля Данилы Галицкого, Украина (E-mail: knyshw@rambler.ru)

Реализация конституционных культурных прав и свобод человека и гражданина в практике международных судебных учреждений и международных организаций

В статье приводится исследование международного опыта разрешения судебных споров в сфере правового регулирования культурных прав и свобод граждан. Раскрыта юридическая деятельность международных судебных учреждений и международных организаций в сфере судебной защиты культурных прав граждан. Уделено внимание юридическому закреплению конституционных прав и свобод человека, рассмотрена правоприменительная деятельность. Раскрыт позитивный международный опыт решения судебных споров.

Ключевые слова: право, свобода, культурные права и свободы граждан Украины, судебная защита культурных прав граждан.

Анализ последних исследований и публикаций. Следует отметить, что проблема конституционных прав и свобод человека и гражданина в Украине прямо или косвенно освещалась в научных исследованиях, таких ученых, как С.Головатый, С.Д.Гусарев, А.М.Колодий, Н.М.Онищенко, П.М.Рабинович, Ю.С.Шемшученко и других.

Постановка задания. Учитывая отмеченное выше, цель данной научной статьи — исследование международного опыта разрешения судебных споров в сфере правового регулирования культурных прав и свобод граждан.

Изложение основного материала исследования. Высокий уровень социальной и личностной ценности культурных прав и свобод обуславливает тот факт, что в практике Европейского Суда по правам человека заметное внимание уделяется решению проблем, которые входят в содержание культурных прав и свобод. Основным, определяющим культурным правом является комплексное право на образование. Потому не удивительно, что вопросы, связанные с этим субъективным правом, чаще всего, в сравнении с другими культурными правами, являются предметом рассмотрения Европейского Суда по правам человека и именно ему посвящена значительная часть его решений. При рассмотрении таких дел Суд исходит из положений ст. 2 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав и основных свобод человека (в 1950 г.), в содержании которой право на образование нашло свое закрепление в такой форме: «Никому не может быть отказано в праве на образование. Государство при выполнении любых функций, взятых им на себя в отрасли образования и учебы, уважает право родителей обеспечивать такое образование и учебу в соответствии со своими религиозными и мировоззренческими убеждениями».

Толкование основных положений этой формулировки состоит из трех взаимосвязанных элементов, а именно:

1) в первом предложении ст. 2 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав и основных свобод человека предусматривается, что государство не может никому отказать в праве на образование. Это значит, что государство, которое предоставило индивидам определенные возможности для получения образования, не может препятствовать им в пользовании этими возможностями;

2) во втором предложении указанной статьи за государством признаются полномочия самому определять объем и характер собственного участия в обеспечении права на образование. Фактически это значит, что государство не имеет никаких обязательств по предоставлению определенных возможностей относительно получения образования или гарантировать каждому возможность получить то образование, которое он пожелает, за исключением тех, что она сама на себя возлагает;

3) во втором предложении статьи также признается право родителей обеспечивать своим детям образование и учебу в соответствии со своими религиозным и мировоззренческим убеждением. Таким образом, признается право родителей не только определять вид учебного заведения или форму учебы детей, но и, в известной степени, возможность влиять на содержание их учебы.

По делу «Кельдсен, БускМадсен и Педерсен против Дании» (1976) Суд подчеркнул важную роль образования в демократическом обществе, обратив внимание на то, что второе предложение ст. 2

Протокола № 1 направлено, в частности, на обеспечение возможности плюрализма в образовании. Эта возможность является жизненно необходимой для сохранения «демократического общества» таким, каким оно представлено в Конвенции. Принимая во внимание полномочия современного государства, этой цели надо достичь, прежде всего, через государственную учебу.

В процессе рассмотрения конкретных дел, которые касаются реализации права на образование, Суд всегда учитывал и учитывает указанные три составных элемента, которые отображены в ст. 2 Протокола № 1, как отдельно, так и в их взаимной связи. При этом Суд имеет в виду то, что в отличие от многих других статей Конвенции, которые гарантируют защиту основных прав, ст. 2 Протокола № 1 применяет негативную формулировку, в соответствии с которой государство не может запретить (но в то же время и не обязано гарантировать) реализацию права на образование. Следует признать, что такая формулировка ставит государство в выгодное положение и защищает от абсолютного большинства обвинений в нарушениях права на образование. Ведь из этой формулировки выходит, что государство в сфере образования должно делать лишь то, что оно само определит для себя. С другой стороны, частному лицу трудно собрать, должным образом зафиксировать убедительные доказательства того, что государство активно отказывается ему в праве на образование или сознательно и активно утруждает его реализацию.

По-видимому, именно этим объясняется то, что до сих пор Суд лишь один раз признал достаточность таких доказательств (дело «Кемпбелл и Казанс против Соединенного Королевства» (1982)). По этому делу матери жаловались на применение в государственных школах Шотландии, которые посещали их дети, телесных наказаний как дисциплинарного мероприятия относительно учеников. В общих заявлениях утверждалось, в частности, что применение телесных наказаний в школах нарушало права, которые гарантируются во втором предложении ст. 2 Протокола № 1: их мировоззренческим убеждениям не отвечает применение телесных наказаний в процессе образования и учебы их детей в школе. Кроме этого, одна из заявительниц утверждала, что исключение ее сына из школы нарушило право на образование, которое гарантируется в первой части настоящей статьи.

Суд пришел к заключению, что в данных случаях нарушения права на образование имели место. Суд отметил, что образование детей является многокомпонентным процессом, во время которого в любом обществе взрослые пытаются передать свои убеждения, культуру и другие ценности молодым, в то время как учеба или преподавание направлены, прежде всего, на передачу знаний и на интеллектуальное развитие. Суд согласился с тем, что применение телесных наказаний принадлежит к внутреннему школьному администрированию. Но в то же время Суд отметил, что телесные наказания представляют составную часть процесса, в ходе которого школа пытается достичь той цели, ради которой была создана, включая также развитие и формирование характера и умственных способностей учеников, а потому их признание является нарушением права на образование.

Дальше Суд рассмотрел суть понятия «мировоззренческие убеждения родителей». По мнению Суда, это такие убеждения, которые заслуживают уважения в «демократическом обществе» и не противоречат понятию человеческого достоинства. Кроме того, эти убеждения не должны противоречить основному праву ребенка на образование, которое доминирует в первом предложении ст. 2.

Взгляды заявителей касаются важных и серьезных аспектов человеческой жизни и поведения — неприкосновенности лица, законности или незаконности применения телесных наказаний и недопущения страха или стрессового состояния, которые могут быть вызваны таким наказанием, а потому отвечают всем изложенным выше критериям.

Признав наличие нарушения положений, которые содержатся во втором предложении ст. 2 Протокола № 1, Суд дальше рассмотрел вопрос о том, есть ли исключение ребенка из государственной школы нарушением ее права на образование согласно первому предложению настоящей статьи. Суд счел необходимым рассмотреть его отдельно.

Основанием для госпожи Козанс было применение телесных наказаний как дисциплинарного мероприятия в школе, которую посещал ее сын, но между фактическими данными у каждой ссылки, которая рассматривается, имеется существенная разница. Если относительно второго предложения заявительница обжаловала посещение учебного заведения, где имело место подобная практика, то относительно первого предложения заявительница обжаловала запрет посещать школу; эта последняя ситуация вызывает значительно более серьезные последствия.

Суд разъяснил, что ст. 2 является одним целым, в котором доминирует первое предложение, а право, которое сформулировано во втором предложении, есть производным от основного права

на образование. Наконец, обе ссылки различаются своей правовой основой: одно касается права родителей, а второе — права ребенка.

Право на образование, которое гарантируется в первом предложении ст. 2, по своему характеру требует урегулирования со стороны государства, но такое урегулирование никогда не должно наносить вред содержанию этого права или противоречить другим правам, которые провозглашены в Конвенции или протоколах к ней.

Суд рассмотрел также несколько заявлений по поводу того, что конкретная политика или практика государства представляли *de facto* нарушения права на образование. Все эти заявления были отклонены.

Негативная формулировка в Протоколе права на образование указывает на то, что Договорные Стороны (государства-участники Конвенции) не признают такого права на образование, которое требует от них организовывать за счет государства или финансировать образование любого типа или уровня. Все государства — члены Совета Европы имеют общую и официальную систему образования. Поэтому идет речь вовсе не о том, чтобы обязать государство создать такую систему, а лишь о том, чтобы гарантировать лицам, которые находятся в пределах юрисдикции Договорных Сторон, право на пользование теми средствами получения образования, которые существуют на данный момент.

Первое предложение ст. 2 Протокола гарантирует, соответственно, право на доступ к учебным заведениям, которые существуют в данное время, но такой доступ является только частью права на образование. Для того чтобы «право на образование» было реализовано, нужно также, чтобы лицо, которое пользуется этим правом, имело возможность извлекать пользу из такого образования, т.е., речь идет о праве получать, в соответствии с действующими в каждом государстве правилами, официальное признание — в той или другой форме — добытого образования.

В ряде дел рассматривались вопросы об обеспечении прав родителей во время учебы их детей. Принципиальным в этом отношении стало дело «К'ельдсен, БускМадсен и Педерсен против Дании» (1976), в котором несколько родителей протестовали против включения в датские программы школьного образования курса половой культуры. Проблема усложнялась тем, что государство включило элементы сексуального воспитания во многие предметы и, таким образом, не имело возможности сразу же успокоить родителей, позволив им, например, забирать детей с тех конкретных уроков, которые противоречили их убеждениям. Суд, разъясняя положение об «обеспечении прав родителей», указал, что будучи наделенными естественным обязательством по отношению к своим детям, заявители-родители имеют приоритет в обеспечении их образования и учебы. Они могут требовать от государства уважения к своим религиозным и мировоззренческим убеждениям. Их право сочетается с ответственностью, которая тесно связана с осуществлением и использованием права на образование.

Как дальше разъяснил Суд, второе предложение ст. 2 Протокола № 1 указывает на то, что государство при выполнении функций, возложенных на него в сфере образования и учебы, должно следить за тем, чтобы информация и знания, которые содержатся в школьных программах, подавались в объективном, критическом и плюралистичном виде. Государству запрещается навязывать учебу, которая может рассматриваться как то, что противоречит религиозным и мировоззренческим убеждениям родителей. Это есть тот предел, за который нельзя заступать.

Суд также принял решение о том, что признание законности существования частных школ не является адекватным ответом на обеспокоенность родителей, потому что это может привести к неприемлемому результату, когда будут осуществляться права только богатых родителей. Таким образом, хоть государство может позволить ученикам не посещать занятия, которые противоречат убеждениям их родителей, или же, наоборот, позволить посещать частные школы, такая возможность автоматически не освобождает государство от ответственности исполнять обязанности в рамках государственной школьной системы за ст. 2 Протокола № 1. По названному выше делу Суд постановил, что хоть курс половой культуры мог донести до детей отдельные оценочные суждения — а такая практика могла нарушить права родителей, одно в данном конкретном случае, — действия датского правительства могли быть признаны приемлемыми, потому что их целью было предоставление информации, а не навязывание взглядов.

Таким образом, Суд исходит из того, что организация и регламентация системы образования принадлежат к компетенции государства. Эта компетенция должна осуществляться в соответствии со ст. 2 Протокола 1, область применения положений которой достаточно широкая и охватывает:

- средства образования и учебы;
- методы передачи знаний;
- организацию образования;
- получение образования вне школьных заведений.

По «Бельгийскому языковому делу» (1968) Суд очертил основные контурные принципы права на образование. Он уточняет в этой связи, что первая фраза ст. 2 гарантирует «право доступа к существующим на данный момент школьным заведениям», но сам этот доступ является лишь одной из составляющих права на образование. Для того чтобы право на образование имело полезный эффект, нужно также, чтобы индивид имел возможность воспользоваться тем, что приобрел, в том числе иметь право на официальное признание образования в соответствии с действующими нормативными правилами, осуществленной учебой, которая может быть реализована путем выдачи дипломов или удостоверений («Бельгийское языковое дело» § 31–32, § 42).

Осуществление права на образование предусматривает также, чтобы государство обеспечило его субъектам равный доступ к средствам образования и учебы; реализация этого права не допускает дискриминации.

Сфера действия ст. 2 Протокола 1, в основном, школьное образование. Однако Суд не исключает из ее области применения высшее и специализированное образование.

Относительно высшего образования Суд признал оправданным установление квот (Жалоба №8844/80) и отсутствие в этом дискриминации.

Кроме того, государство уполномочено принимать правила поступления в учебное заведение и устанавливать максимальный срок университетского образования (Жалоба № 5492/72).

Касательно толкования, которое дает Суд, создание системы бесплатного обязательного школьного образования не является обязанностью государств. Однако такая обязанность государства относительно начального образования вытекает из других международных договоров (ст. 14 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах; ст. 28 Международного пакта о правах ребенка).

Суды рассмотрели и ряд дел, которые касались осуществления реализации и защиты права на образование при некоторых особенных обстоятельствах.

На статью 2 Протокола 1 ссылалась группа иностранных студентов, которые желали иметь доступ к вузу, находящемуся в другой стране. Опираясь на аргумент, что Конвенция не предоставляет гарантий лицу иностранного гражданства права на зачисление в учебное заведение или проживание в иностранной стране, Суд установил, что государство не обязано обеспечивать доступ иностранных студентов к высшему или техническому образованию (Жалоба 7671/76).

Определенное место в практике Европейского Суда по правам человека принадлежит рассмотрению дел, связанных с реализацией свободы литературного и художественного творчества. При этом в принятой в украинском конституционном и текущем законодательстве, научных исследованиях формулировке «литературное и художественное творчество» в текстах европейских конвенций, в судебной практике в большинстве случаев отвечает формулировка «художественная деятельность».

Следует отметить, что в европейской правовой доктрине и в практике Европейского Суда по правам человека защита свободы художественной деятельности рассматривается в неразрывной связи с защитой свободы выражения взглядов, т.е. подпадает под действие ст. 10 Конвенции о защите прав человека в 1950 г. (далее «Конвенция»). В свою очередь, в понятие «свобода выражения взглядов» укладывается чрезвычайно широкое содержание, которое находит свое проявление во многих сферах общественной жизни.

В трудах западноевропейских исследователей свобода выражения взглядов рассматривается как содержащая в себе гарантию на «любую творческую деятельность, какой бы не были ее форма, основа и цель» [2; 77].

На этой основе художественное произведение, как результат художественной деятельности, приобретает качество средства общения, а свобода художественной деятельности рассматривается как особенная форма свободы выражения взглядов [1; 61].

Заслуживает внимания тот факт, что свобода художника на выражение своих взглядов признается в Международном пакте о гражданских и политических правах. Это свидетельствует, во-первых, о реальной равноценности прав и свобод человека и, во-вторых, об определенной условности их классификации.

В практике Европейского Суда по правам человека свобода выражения взглядов в сфере художественной деятельности видится:

- в свободе создания произведения искусства, которая рассматривается как определенное действие (действия) автора;
- в праве на уважение к созданному произведению, которое предусматривает необходимость определенного отношения неопределенного круга субъектов к созданному произведению искусства и прав на это произведение его автора.

Эти два проявления свободы выражения взглядов в сфере художественной деятельности прямо подпадают под защиту ст. 10 Конвенции [4; 74, 75].

Однако свобода выражения взглядов художника рассматривается как таковая, не является абсолютной и может быть ограничена легитимным путем. Она, кроме того, должна согласоваться с другими правами и свободами, которые содержатся в Конвенции.

Интересно, что в современной западной правовой литературе определение содержания понятия «искусство» является предметом достаточно оживленной полемики. При этом некоторые западные исследователи ставят ряд вопросов, на которые, по их мнению, трудно или невозможно найти верный и исчерпывающий ответ. Среди них вопрос: о том, существует ли вообще возможность определения искусства и художественного произведения на базе теоретических критериев объективного измерения [5; 48, 49].

В целом же в европейской теории и правоприменительной практике сформировалось понимание художественного произведения как любого результата сознательной деятельности человека, который направлен на создание самобытного, оригинального произведения и удовлетворение эстетического идеала. При этом ответ на вопрос о том, был этот идеал достигнут, не интересует право, которое не ставит целью себе оценку эстетической стоимости произведения.

Все виды искусства: статичные, «живые», литература в соответствии с Конвенцией должны иметь идентичный уровень правовой защиты [3; 1001, 1002].

В практике Суда свобода творчества (художественной деятельности) рассматривается как процесс, который начинается с формирования соответствующей творческой идеи, которую автор, как носитель такой идеи, путем осуществления определенных действий воплотит в творении искусства (художественном произведении). На этом основании, как отмечалось выше, обосновывается распространение «Судорог» на свободу творчества положений ст. 10 Конвенции, в соответствии с которыми «каждый имеет право на свободу мысли» и «каждый имеет право на свободу придерживаться своих взглядов».

Для того чтобы идея автора приобрела объективность, она должна найти свое выражение в определенной внешней форме. Эта форма характеризуется такими особенностями, которые отличают ее от других художественных произведений и предоставляют ей статус оригинала. На этом этапе свобода художника заключается в выборе и предоставлении создаваемому произведению формы, которая лучше всего отвечает его эстетическому идеалу. Препятствие этому процессу расценивается как нарушение положений ст. 10 Конвенции, которая потенциально защищает от вмешательства в творческий процесс.

Однако свобода выражения взглядов художника не рассматривается как безграничная. Признается, что он, реализуя свое творческое воображение, должен придерживаться соответствия с определенными ценностями и правами других субъектов, не допускать их нарушений. Творческий процесс предусматривает обнародование его результатов, хотя художник может творить для себя и не сообщать другим о своем творении. В связи с этим признается, что указанные ограничения имеют силу лишь при условии обнародования художественного произведения. Если же автор не оглашает свое творение, его форма и содержание не могут войти в конфликт с теми или другими социальными представлениями.

Однако именно в обнародованных произведениях искусства свобода выражения взглядов, а значит и свобода творчества, находят свое полное воплощение и предусматривают соответствующую правовую защиту.

Эта защита препятствует не только уничтожению или повреждению произведения, но и внесению изменений, модификаций, непредвиденных автором сокращений. Опыт показывает, что, например, купюры из фильма, сокращение диалогов пьесы и тому подобное могут изменить произведение в такой степени, которая неверно будет представлять идею автора и, таким образом, будет нарушена свобода выражения его взглядов.

По делу «Мюллер и другие против Швейцарии» (1988) Суд констатировал, что те, кто создают, интерпретируют, распространяют или выставляют на обозрение общественности произведение искусства, способствуют обмену идей и мыслей, необходимых в демократическом обществе, но при условии, что художник и те, кто участвуют в распространении произведения, не избегают возможностей ограничения.

В статье 10 § 2 Конвенции указано, что осуществление свободы выражения взглядов предусматривает «обязанности и ответственность». Именно поэтому настоящая же статья указывает, что это осуществление может подлежать определенным «формальностям, условиям, ограничениям или санкциям». Вместе с тем приемлемость вмешательства в осуществление свободы выражения взглядов предусматривает одновременное соответствие 3-м условиям.

- Прежде всего, любое ограничение свободы выражения взглядов не может иметь места, если оно не предусмотрено законом.
- Кроме того, необходимо, чтобы это ограничение преследовало легитимную цель, из обзора ценностей, исчерпывающе перечисленных в диспозиции ч. 2 в. Конвенции.
- И, наконец, цель, ради которой осуществляется ограничение свободы выражения взглядов, не должна противоречить основным принципам демократического общества.

Исследование этого последнего условия — изучение необходимости ограничительного мероприятия — представляет сердцевину Европейского международного судебного контроля.

По делу «Мюллер и другие против Швейцарии» (1988), в котором рассматривался вопрос об «охране морали», заявители жаловались на то, что конфискация правительством Швейцарии нескольких картин откровенно сексуального содержания и наложение на художников штрафа за опубликование неприличных материалов нарушило ст. 10 Конвенции. Признав, что действия государства были согласованы с пунктом вторым, Суд принял решение: государство имеет широкие пределы усмотрения при решении вопроса относительно того, что является действительно «необходимым» для «охраны морали». Однако, принимая это решение, суд отметил, что термин «выражение взглядов» (ст. 10) охватывает также и выявление творческих взглядов, которое «дает возможность участвовать в публичном обмене информацией культурного, политического и социального содержания, а также разного вида идеями».

Суд также согласился с решением государства, когда речь шла о том, что религиозные чувства части населения могли быть подвергнуты надругательству в результате осуществления свободы выражения художественных взглядов отдельными личностями. По делам «Отто Премингер институт против Австрии» (1994) и «Уингроу против Соединенного Королевства» (1996) Суд не нашел нарушения ст. 10 в случаях, когда правительства этих стран запретили демонстрацию фильмов, в которых отдельные личности и обряды христианской религии были показаны в таком виде, который свидетельствовал о неуважении к ним.

Результаты рассмотрения этих трех дел свидетельствуют о том, что Суд не признает за художником неограниченной свободы выражения взглядов, когда в результате могут пострадать моральные ценности.

Реже свобода выражения взглядов художника входит в конфликт с другими ценностями и правами, которые не имеют морального контекста. Здесь уместно вспомнить дело о рисунках, осуществленных красящим аэрозолем на стене дома «Н. против Швейцарии», (1983), которое было рассмотрено, с одной стороны, с точки зрения права собственности владельца дома, а с другой — с точки зрения свободы выражения взглядов автора этих рисунков. И хотя последний считал, что его рисунки, благодаря их художественной ценности, послужили на блага окружающих, Суд разрешил дело в пользу владельца дома.

В результате рассмотрения другого дела «Г. и К. против Соединенного Королевства» (1983) было определено, что ограничения, наложенные во имя защиты общественного порядка на уличных музыкантов английским законодательством, которое запрещало им свободно заниматься искусством, не представляло в данном случае существенного ограничения их свободы выражения взглядов.

Суд видит, что не только ст. 10 Конвенции является средством защиты художественных произведений. Другие ее статьи также предоставляют такую возможность, хотя это и не прямая правовая защита.

Суд констатировал нарушение ст. 11 (Свобода собраний и объединения) по делу «Сидиропулос против Греции» (1988), где шла речь об отказе греческих должностных лиц зарегистрировать органи-

зацию «Дом македонской цивилизации», которая ставила целью поощрение местных инициатив в отрасли художественной деятельности.

По делу «Ятридис против Греции» (1999) ст. 1 Протокола № 1 («Защита права собственности») непрямым путем защищает и искусство. По этому делу речь шла об «откровенно незаконном» лишении истца права собственности на кинозал, какой он удерживал в течение 11 лет.

Выводы. При сравнении практики, решений и заключений Европейского Суда по правам человека, которые касаются определения содержания условий и пределов реализации права на образование, с соответствующими положениями конституционного и текущего законодательства Украины можно прийти к ряду выводов.

1. Действующая Конституция Украины и текущее законодательство не противоречат положениям ст. 2 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав и основных свобод человека (1950) и соответствующей практике Европейского Суда по правам человека. Более того, в некоторых случаях Конституция Украины (Ч. 3 ст. 53), устанавливая обязанность государства обеспечивать доступность и бесплатность дошкольного, полного общего среднего, профессионально-технического и высшего образования в государственных и коммунальных учебных заведениях, создала больше условий для реализации права, чем это устанавливается ст. 2 Протокола 1.

2. Суд определяет, что право на образование признается реальным при условии получения лицом пользы от полученного образования, под которой понимается официальное признание полученного образования в соответствии с действующими в государстве правилами. С этих позиций функционирование в Украине учебных заведений, которые по итогам учебы в них выдают выпускникам диплом негосударственного образца, т.е. диплом, официально не признанный государством, является нарушением права на образование. Таким образом, появляется вопрос о возможности существования указанных учебных заведений, поскольку их функционирование с точки зрения Европейского Суда по правам человека приводит к нарушению права на образование.

3. Украинское законодательство (например, ч. 1 ст. 29 Закона Украины «Об общем среднем образовании») предоставляет родителям или лицам, которые их заменяют, определенные права, которые касаются реализации их детьми права на образование. Однако эти права не предусматривают полномочий, которые могли бы повлиять на содержание образования и учебы их детей. В то же время положение второго предложения ст. 2 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав и основных свобод человека устанавливает право родителей обеспечивать своим детям такое образование и учебу, которые по своему содержанию отвечают их религиозным и мировоззренческим убеждениям. Целесообразно устранить указанное несоответствие путем внесения в национальное законодательство положений, которые предоставляют родителям полномочия влиять не только на выбор учебного заведения и форму учебы их детей, но и на содержание их образования.

4. В отличие от научной доктрины и практики Европейского Суда по правам человека в отечественной правовой теории и практике нет неразрывной связи между содержанием ч. 1 ст. 54 Конституции Украины (Свобода литературного, художественного, научного и технического творчества) и содержанием ч. 1 ст. 34 Конституции Украины (Право на свободное выражение своих взглядов и убеждений).

References

- 1 Ceysens P. *Kunst, volgens de regles van het recht*, R.W, 1990–1991, 1220 p.
- 2 Cohen – Jonatan G. «Article 10» // *Convention europeenne des droits de l'homme*. Commentaire, Paris. Economica, 1999, 168 p.
- 3 Verdussen Mark. *Les de l'homme et la creation artistique* // *Les droits de l'homme au seil du troisiememille'naire*, Bruxelles, 2000, 1262 p.
- 4 Rozzero L. «*Le sens du Beau et les perspektives de l'art dans le monde premoderne*», Louvan, 1999, 102 p.
- 5 Velaers J. *De beperking van de vrijheid van meningsuiting*, Antwerpen, Apeldoorn, 1991, 192 p.

Н.М.Мацкевич

Адам және азаматтың халықаралық сот мекемелері мен халықаралық ұйымдар тәжірибесіндегі конституциялық мәдени құқықтары мен бостандықтарын жүзеге асыру

Адам мен азаматтардың мәдени құқықтары мен бостандықтарын құқықтық реттеу саласындағы соттық дауларды шешудің халықаралық тәжірибесі зерттелген. Азаматтардың мәдени құқықтарын соттық қорғау саласындағы халықаралық соттық мекемелер және халықаралық ұйымдардың құқықтық қызметінің мазмұны ашылған. Соттық дауларды шешудің оңтайлы халықаралық тәжірибесін ашу арқылы құқыққолдану қызметі және адамның конституциялық құқықтары мен бостандықтарын құқықтық бекіту мәселелері талқыланған.

N.M.Mackevich

Implementation of cultural rights and constitutional freedoms of citizens in the practice of international judicial institutions and international organizations

A study of the international experience of litigation in the area of legal regulation of cultural rights and freedoms of citizens. Disclosed to the legal activities of international judicial institutions and international organizations in the field of legal protection of cultural rights of citizens. Focus on anchoring of constitutional human rights and freedoms, considered by law enforcement with the disclosure of positive international experience of solving legal disputes.

УДК 343.4 (477)

Н.М.Мацкевич

Ивано-Франковский университет права им. Короля Данилы Галицкого, Украина (E-mail: knyshw@rambler.ru)

Методология научной разработки конституционных культурных прав и свобод человека и гражданина

В статье исследованы и обобщены основные методологические подходы к пониманию, юридическому закреплению и реализации конституционных культурных прав и свобод человека, гражданина. Выделены два главных направления определения современного понимания сущности прав и свобод человека: естественно-правовой и позитивистский. В определении сущности подходов как составляющей современной методологии юриспруденции показан путь философско-правового осмысления. Определена роль аксиологического подхода при решении актуальных теоретических и практических задач современной юриспруденции.

Ключевые слова: право, свобода, культурные права и свободы граждан Украины, методология исследования культурных прав и свобод личности.

Анализ последних исследований и публикаций. Следует отметить, что проблема конституционных прав и свобод человека и гражданина прямо или косвенно освещалась в научных исследованиях, которые выполнили И.А.Безклубый, С.Головатый, И.С.Гриценко, С.Д.Гусарев, А.М.Колодий, Н.М.Онищенко, П.М.Рабинович, О.О.Шевченко, Ю.С.Шемшученко и другие ученые.

Постановка задания. Учитывая сказанное выше, целью данной научной статьи является исследование и обобщение основных методологических подходов к пониманию, юридическому закреплению и реализации конституционных культурных прав и свобод человека и гражданина.

Изложение основного материала исследования. Процесс приобретения, углубления, расширения и развития знаний называют «познанием». Человек познает мир различными способами и средствами, которые получили название «методы» [1; 11].